

Э.-Б.М. Гучинова

ВООБРАЖАЕМОЕ – НЕ ЗНАЧИТ ВЫДУМАННОЕ

Интервью с В.А. Тишковым

Биография В.А. Тишкова хорошо известна, юбиляр и сам много писал о своей жизни. В этом интервью мне хотелось получить ответы на вопросы, которые, кажется, еще ему не были заданы – в спонтанном нарративе о научной жизни его ответы отражают время, в котором ученому выпало жить и работать: оттепель, заморозки, застой, перестройка. Для антропологов и историков науки представляют интерес многие аспекты академической жизни, о которых не узнать, если не задать вовремя конкретные вопросы, что хорошо известно академику Тишкову, который и сам записывал беседы со старейшинами нашей науки.

Беседа с В.А. Тишковым высветила много интересных линий – и прямыми сюжетами, и косвенными отсылками, – к примеру, как в советскую эпоху отбирались научные темы для успешной научной карьеры, и как работали механизмы контроля в академической сфере: оформление на выезды в «капстраны», контакты с зарубежными коллегами, заседания партийных бюро. В ней читатель найдет рассказ не только об истории нашей дисциплины, его ждут и размышления о методологии науки одной из значимых персон современной российской социально-культурной антропологии.

Это интервью прошло в мессенджере Facebook'а 20 февраля 2021 г. и записано на диктофон. Оно было спонтанным – В.А. Тишков с вопросами ознакомлен не был. Но, как бывает в настоящем живом интервью, оно само задает свой формат. Подробные ответы на первые вопросы заставили перестроить ход беседы, так она оказалась спонтанной и для меня. Транскрибированный текст был авторизован рассказчиком и дополнен.

Интервью

Э.-Б.Г.: Валерий Александрович, Вы преподавали в Магаданском педагогическом институте, были исследователем, работали в структуре Российской академии наук, в Министерстве национальностей Российской Федерации, были директором Института этнологии и антропологии РАН, сейчас академик-секретарь историко-филологического отделения Президиума РАН – что же Вам было больше по душе?

В.Т.: Сегодня я размещу в Facebook почетную грамоту, которую получил в школе в 9-м классе в феврале 1958 г. Сама эта грамота с символикой, лозунгами, эмблемами – уже документ эпохи, но любопытна формулировка: «...награждается секретарь комсомольской организации школы № 1 за активное участие в смотре

художественной самодеятельности». Я не могу сейчас вспомнить, в чем именно участвовал, но то, что понятие «художественная самодеятельность» в прямом и переносном смысле мне близко, признаю. Самодеятельность – это инициативность, эта черта отмечалась даже в советских характеристиках: инициативный товарищ, активный. С этим и я согласен, с этим шел по жизни, в школе и даже в университете. Помню, когда был в стройотряде на целине в Казахстане, мы строили дома для целинников, и что-то надо было доделать. Я настаивал, что надо пойти, достроить, несмотря на непогоду, на то, что нам не заплатили, а мой однокурсник Борис Воробьев сказал: «Ну что, тебе больше всех надо?» Эта черта – «больше всех надо» – хорошо это или плохо, я не знаю, но она со мною.

Сказать, где мое предпочтение и в чем мое призвание, сложно. Когда я собрался поступать в МГУ, не знал, какой сделать выбор (исторический, филологический или философский факультеты), решил уже в последний момент. Сейчас с содроганием представляю, что мог бы всю жизнь заниматься историей Канады нового времени! Для меня важным была смена тематик, проблем и даже дисциплины, что бывает крайне редко в академической карьере, и здесь тоже сыграло роль стремление к переменам.

Могу сказать, что именно в общественной работе проявилось, что у меня получается руководство людьми. Я не отношу себя к гениальным администраторам, но большую роль сыграла социализация, которую я прошел еще в школе в качестве председателя Совета [пионерской] дружины, в Магаданском пединституте был секретарем комсомольской организации института. Да, общественная работа отнимает время, но она не была обременением, она была важной стороной моей жизни. Эти стороны помогают друг другу, не вижу здесь коллизии, часть времени и жизни я отдал и научно-организационной работе, и административной, и общественной деятельности.

Государственная служба – это краткий эпизод, меньше года в составе правительства Б.Н. Ельцина. Мне это было тяжело... Не по душе была ситуация в целом в стране и в правительстве, были стилистические и смысловые разногласия с Р.Г. Абдулатиповым, Г.В. Старовойтовой, а именно они были ключевыми фигурами в определении национальной политики в начале 1990-х гг. Вероятно, можно было бы обойтись и без моего участия в правительстве, у меня не было значимых ни интеллектуальных, ни материальных приобретений.

Что мне было по душе? Мне нравится заниматься исследованиями, нравится ставить вопросы, работать с материалом, источником, а главное – формулировать. Я даже во сне что-то формулирую. У меня сны устные. Это языковая способность излагать, писать текст – тоже со школьных времен. Моя учительница по литературе научила меня писать сочинения, и они долго оставались образцами в школе. Это крайне важно для ученого: умение излагать, формулировать – и это мне всегда помогало.

И все-таки гуманитарная наука. Я не считаю себя классическим историком, нет у меня интереса к архивной работе, к скрупулезному изучению источников. Позднее я перешел от гражданской истории к этнической истории, к проблемам этничности, социально-культурной антропологии – так весь этот набор сложился. Я считаю себя профессором истории и антропологии.

Э-Б.Г.: Если вернуться к общественной деятельности, расскажите, как Вы вступали в КПСС? Это было тяжело, не было моральных компромиссов?

В.Т.: Вступление в КПСС предполагало кандидатский срок – минимум один год, и я вступил в кандидаты в члены КПСС в Магаданском пединституте, когда был секретарем комсомольской организации. Ректор М.И. Куликов мне сказал, что желательно вступить в партию, для такого количества членов комсомольской организации даже предполагалась освобожденная должность. Не помню всех подробностей: что писал в заявлении и как меня принимали. Никаких особых проблем и компромиссов с этим не было. Я даже освободился от образа полудиссидента, который обрел волей-неволей, будучи студентом МГУ и водя дружбу с иностранцами.

Я был любознательным, на 2–3 курсах мне было интересно общаться с двумя норвежскими стажерами. Один из них впоследствии стал отцом знаменитого лыжника Бьорна Дёли, многократного чемпиона мира. Когда я был в Норвегии в PRIO¹, мои коллеги узнали о моей дружбе с отцом Бьорна, и в ту минуту я стал для них героем. В МГУ я познакомился с американскими стажерами, получал от них «запрещенные» книги – того же Исаака Дойчера «Политическую биографию Сталина»², где впервые прочитал о депортациях народов и масштабе политических репрессий, что было нам тогда фактически неизвестно. Кстати, английскому разговорному языку я научился, когда жил в одном блоке с английским стажером-философом. Позднее плотно общался с американскими стажерами по обмену. Этот обмен начинался в 1959 или 1960 г. От нас в США тогда уехал аспирант Николай Сивачев³. Среди американских стажеров в МГУ проживали в одном общежитии на Ленинских горах ставшие затем известными учеными: психолог, ученик А.Р. Лурия Майкл Коул (Michael Cole), ученик П.А. Зайончковского проф. Стэнфорда Теренс Эммонс (Terence Emmons), выдающийся историк Мартин Малиа (Martin Malia, 1924–2004). М. Малиа был знаком с Анной Ахматовой, написал выдающиеся работы о Советском Союзе, но из СССР его тогда выслали, и только после 1991 г. он снова приехал в нашу страну. Все эти контакты отслеживались. Когда я закончил вуз в 1964 г., то по линии Комитета молодежных организаций СССР мне предлагали стажировку в Канаду, нужна была положительная характеристика от университета. Тогда деканом истфака МГУ был И.А. Федосов, и замдекана К.Г. Левыкин сказал: «Мы тебе положительную характеристику не дадим, ты слишком много общался с американцами, всякие мысли высказывал и с Бахусом баловался» (имелись в виду виски). В некотором отчаянии я решил уехать работать в Магаданский пединститут, куда прибыл с таким полудиссидентским бэкграундом. В институте началась преподавательская работа и, когда я стал секретарем комсомольской организации, то это было своего рода выравнивание «крена» в политическом реноме, так что особого компромисса я не испытывал.

Э-Б.Г.: Чем Вам запомнилась оттепель?

¹ PRIO – Международный институт изучения мира в Осло (Peace Research Institute of Oslo).

² Isaac Deutscher. Stalin: A Political Biography. New York; London: Oxford University Press, 1949.

³ Николай Васильевич Сивачев (1934–1983) – известный историк-американист, специалист по новейшей истории США (кандидатская диссертация «Политическая борьба в США по вопросам “Нового курса” Ф. Рузвельта в середине 1930-х гг.», 1962; докторская диссертация «Рабочая политика правительства США в годы Второй мировой войны», 1972).

В.Т.: Мы тогда эти годы так не называли: «времена не выбирают – в них живут и умирают». Обозначение «оттепель» пришло позднее, когда наступили «заморозки». В студенческие годы близким моим другом был Игорь Волгин, ныне известный литератор, успешно «играющий в бисер». Вместе мы ходили к памятнику В. Маяковского, где собирались и читали стихи, в Политехнический музей, где выступали А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко. Я был на выставке, посвященной 30-летию МОСХа¹, хорошо помню экспозицию и дебаты, которые были вокруг нее. Часто ходил в клуб МГУ на Моховой, был на просмотре фильма А. Тарковского «Иваново детство», видел нашумевший спектакль «Дракон»² в постановке М. Розовского в театре МГУ, в котором играла Ия Савина. Вот это было мое время, это была оттепель, это было богатое время. Я захватил окончание истории с Львом Краснопевцевым³. До нас доходили отголоски этого дела. Он и другие сочинили какой-то манифест, их арестовали. Помню также комсомольское собрание факультета, на котором осуждали студента Андрея Амальрика, позже он написал книгу «Просуществует ли СССР до 1984 г.», а тогда академик Б.А. Рыбаков громил второкурсника Амальрика за то, что тот проводил норманнскую теорию в своей курсовой работе, и в итоге он был отчислен вначале из комсомола, а потом из университета.

Я приведу еще один пример такого балансирования между мейнстримом и леволиберальными студенческими идеями. Американский стажер Артур Спрейг подарил мне диски Джоан Баэз и Боба Дилана. Тогда их имена были неизвестны в СССР, и, что такое песни протеста, в СССР не знали, а я привез эти пластинки и рассказывал на магаданском телевидении о молодежных движениях, о том, что молодежь эмигрирует из США в Канаду, чтобы не служить в армии во Вьетнаме, протестуя против войны. Тогда я даже поставил песню Боба Дилана «Движение ветра», которая была своего рода гимном протеста.

How many roads must	Сколько дорог должен пройти
a man walk down	человек
Before you call him a man?	Прежде чем назовут его мужчиной?
How many seas must the white	Сколько морей должна проплыть
dove sail	белая голубка
Before she sleeps in the sand?	Прежде чем она уснет в песке?
И знаменитый припев:	
«Ответ витает в воздухе»	(The answer is blowing the wind).

Получилось так, что эту передачу посмотрел первый секретарь Магаданского обкома КПСС П.Я. Афанасьев и остался недоволен: «...его надо исключать из комсомола, а он тут у вас секретарь». Отказ служить в армии в США вызвал насто-

¹ На этой выставке в декабре 1962 г. в Манеже Н.С. Хрущев устроил разнос художникам Б. Жутовскому, Э. Белютину, Ю. Соостеру и др., после чего началась кампания «против абстракционизма и формализма» в советском искусстве.

² Пьеса И. Шварца о природе тирании.

³ Лев Николаевич Краснопевцев (род. в 1930 г.) был сторонником продолжения десталинизации. Блестящий аспирант, секретарь комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ и член КПСС, основал и возглавил подпольный марксистский кружок (1956–1957). В 1958 г. все члены кружка были приговорены к длительным срокам заключения.

женную реакцию у партийного руководства области: «...мы тут не можем набрать квоту по набору в армию по области».

Э-Б.Г.: В те годы Вы чувствовали, что Магадан – это столица Колымского края?

В.Т.: Когда я задним числом думаю об упущенных возможностях, к ним отношу годы, проведенные в Магадане. Признаю, что ругал себя за узость кругозора и недостаточный интерес к краю. Через дорогу от института был архив Дальстроя, в нем хранились дела эпохи Берзина¹ и др. Я мог любое дело прочитать, начальник архива Дальстроя была преподавателем на моей кафедре и даже приглашала [в архив]. Но, во-первых, у меня была колоссальная нагрузка в институте, по 14–16 аудиторных часов в неделю: я читал курсы по новой и новейшей истории стран Европы и Америки, истории стран Востока, к ним надо было готовиться. Во-вторых, и без архива в Магадане проживало много людей, которые работали в то время или остались после освобождения и, конечно, рассказывали свои жизненные истории.

Мы были в гостях у Вадима Козина² с моим другом, институтским преподавателем физики Николаем Разговоровым. Он еще по Москве был лично знаком с пианистом, который аккомпанировал Мстиславу Ростроповичу. Тогда Ростропович был в опале, он ездил по всей стране и приехал в Магадан с концертом. Этот аккомпаниатор в свою очередь знал Козина, он сказал, давайте сходим навестим его. И мы были у него дома, он нам, правда, не пел, но ставил свои пластинки. Вадим Козин раз в год устраивал концерт в Магаданском областном театре. Кстати, в этом внушительном здании в свое время работал художник Василий Шухаев³, прошедший девять лет в лагерях. Его рисунки и эскизы декораций остались в театре. К нам приходил тогдашний художник театра Володя Мягков и показывал моей супруге Ларисе Михайловне эскизы Шухаева к спектаклям.

В 1965–1966 гг. я дважды проехал по Колымской трассе: один раз с лекциями о международном положении, второй раз – с агитбригадой пединститута в период «промывочного сезона» – добычи золота на магаданских приисках. Вот тогда я своими глазами видел остатки лагерей и тот суровый край. Ведь прошло всего десять лет после XX съезда КПСС, и многое еще было живо.

Кстати, для тех, кто приезжал в Магадан на работу, были особые условия льготной поддержки. Тогда были ограничения на московскую и ленинградскую прописку, молодые специалисты из Москвы и Ленинграда смело ехали в такие города, как Магадан, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Хабаровск, так как они в этом случае не теряли прописку в столицах.

Э-Б.Г.: Там и зарплаты были выше?

В.Т.: Во-первых, мы получали подъемные, оплачивался полностью билет (156 руб.) на самолет Москва – Магадан, потом сразу северный коэффициент 0,7 к зарплате и 10 % северные надбавки. Всего было 8 надбавок: первые три – каждые 6 месяцев, затем ежегодно добавлялось по 10 %. Я был деканом факультета (во второй приезд) и за это была еще одна надбавка 35 %. Когда я приехал в Москву

¹ Эдуард Берзин (Берзиньш, 1894–1938) – один из организаторов и руководителей системы ГУЛАГ, первый директор государственного треста «Дальстрой».

² Вадим Козин (1903–1994) – популярный российский и советский исполнитель и автор песен, осужден и жил в Магадане после освобождения.

³ Василий Шухаев (1887–1973) – известный русский и советский художник, осужден по 58-й ст. в 1938 г.

в 1972 г. в Институт всеобщей истории АН СССР и зашел к директору академику Е.М. Жукову, он у меня спросил: «Сколько Вы получаете?», а у меня зарплата была указана в партбилете 725 руб. (партвзносы были 2 %), и он говорит: «Я столько не получаю...», взял меня сразу на должность младшего научного сотрудника с окладом 175 руб.

В Магадане мы не купались в деньгах, но жили щедро, часто устраивали застолья, ездили в отпуска «на материк», в 1971 г. я купил первые «Жигули», машина стоила 5500 руб. Когда я работал уже в Институте на улице Дм. Ульянова, 19, у здания стояли мои «Жигули» и еще две машины – директорская служебная и «Волга» Н. Болховитинова, который ездил на отцовской машине. Такой я вернулся в Москву из Магадана. С точки зрения материальной, условия там были хорошие. Полученную 2-комнатную квартиру по адресу: ул. Карла Маркса, 8 мы оставили институту и в 1972 г. окончательно уехали с родившимся в Магадане сыном Василием.

Э-Б.Г.: Когда Вы вышли из партии?

В.Т.: Когда партия закончилась, тогда и вышел, но я находился в партии до самого конца. Участвовал в рабочей группе секции по национальной политике на XXVIII съезде партии (2–13 июля 1990 г.). Вместе с Олжасом Сулейменовым из Казахстана и академиком Виктором Пальме из Эстонии мы вырабатывали резолюцию съезда по межнациональным отношениям. Мое достижение, что в ней слова «нация» не было вообще, и впервые была сформулирована в национальном вопросе новая цель – не просто «укреплять дружбу между народами», а «обеспечение прав и запросов граждан, основанных на их принадлежности к тому или иному народу или культуре...» До сих пор эта цель так и звучит, это моя придумка. Так что умерла партия, и кончился мой стаж.

Э-Б.Г.: Чем запомнилась работа в Институте всеобщей истории и в Отделении истории Президиума АН СССР?

В.Т.: В 1966 г. я приехал поступать в аспирантуру в два места: в Институт всеобщей истории АН СССР и в Московский пединститут им. В.И. Ленина, где у меня было целевое направление на кафедру новой и новейшей истории, а заведовал кафедрой тогда А.Л. Нарочницкий. И там, и там сдал на отлично. Но Нарочницкий меня не отпустил: «Вы у нас – целевик, я на Вас уже нагрузку спланировал, я буду Вашим руководителем, иначе пусть партбюро разбирается», – припугнул меня. А после успешной защиты кандидатской диссертации в ноябре 1969 г. весной 1970 г. я снова уехал в Магадан, где проработал еще два с лишним года уже в должности декана историко-филологического факультета, а мне было всего 30 лет.

В 1972 г. я уехал из Магадана, меня должны были взять в Институт всеобщей истории, потому что Г.Н. Севостьянов, руководитель моего студенческого диплома, с ним я переписывался, договорился с Жуковым о моем зачислении. Я начал работать в секторе истории США и Канады. В это время там работали доктора наук Р.Ф. Иванов, Л.Ю. Слезкин, Н.Н. Болховитинов, М.С. Альперович, В.Л. Мальков, Л.В. Поздеева, Г.П. Куропятник. Это был крупный коллектив американистов. Мы тогда заложили «Американский ежегодник», который до сих пор издается, я был ученым секретарем первых выпусков.

Этот период, с 1972 по 1976 г., был очень интересным. В 1974 г. появилась возможность поехать в Канаду для работы в советском павильоне на выставке в Монреале, там была тема молодежи и Севера. Мне сказали: «Вот ты – и молодежь,

и Север, иди оформляйся». Я пошел оформлять документы для первой поездки в капиталистическую страну. Ученым секретарем института по международным связям была Елена Агаянц, супруга знаменитого разведчика И.И. Агаянца. Она хорошо эту систему знала. В выездных анкетах того времени была графа о том, «были кто-то из ваших родителей или ближайших родственников на оккупированной территории или в плену, кем и когда был освобожден». А у меня отец четыре года был в немецком плену, его американцы освободили во Франкфурте-на-Майне и передали нашим. Она мне сказала: «не пиши ничего». С тех пор я эту графу никогда не заполнял, чем сэкономил время многим сотрудникам соответствующего ведомства.

В 1975 г. был 13-й Всемирный конгресс историков в Сан-Франциско. Е.М. Жуков пригласил меня поработать секретарем подготовительного комитета, и я даже поехал на конгресс как руководитель группы научного туризма примерно из 30 историков. За государственный счет официальной делегацией поехали 10 человек: Е.М. Жуков, Рыбаков, Нарочницкий, Г.Ф. Ким, В.Т. Пашуто и другие. В тургруппе были главным образом академики из союзных республик, директора исторических институтов. Я близко познакомился с двумя выдающимися людьми: вице-президентом и директором Института истории Академии наук Армении Цатуром Павловичем Агояном и вице-президентом АН Азербайджана Али Сумбатовичем Сумбат-заде. Видел, как они дружили, были неразлучны, оба говорили по-армянски и по-азербайджански, а также и прекрасно по-русски. Они говорили: «Валерий, ты еще не знаешь, что означает наша дружба!» Из Казахстана был Г.Ф. Дахшлейгер, из Узбекистана академик Р.Х. Аминова, из Украины – директор Института истории Ю.Ю. Кондуфор и директор Института миграционных и социально-политических проблем А.Н. Шлепаков. С последним мы вместе выступали по теме национальных меньшинств в истории по докладу канадского ученого Уильяма Мортонa. Мы жили в одной комнате. Утром встали, он наливает в стакан водку и предлагает мне. Я отказался: «У Вас же сегодня доклад?» «Это будет замечательный доклад», – ответил он и выпил полстакана. Выдающаяся была личность. Именно после этого конгресса Е.М. Жуков предложил мне перейти на работу в Президиум АН СССР в должности ученого секретаря Отделения истории.

Надо сказать, что я не был партийным активистом. Помню историю с отъездом А.М. Некрича в эмиграцию. Перед заседанием партбюро, где его должны были исключить из партии, ко мне подошел мой сокурсник Миша Наринский, сейчас он профессор МГИМО, и сказал, что будет «проверка на вшивость». И Е.М. Жуков сказал: «Валерий, надо выступить». Передо мной была дилемма: я – молодой, Некрича не знал, кратко высказался, но не осудил его как предателя Родины, что-то сказал такое нейтральное. Атмосфера в стране менялась, в начале 1970-х гг. уже не было никакой оттепели. Этот единственный партийный сюжет запомнился, но такова была процедура в ситуациях с эмигрирующими. Видимо, решение по нему уже было принято, он не мог уехать, будучи членом партии.

В Институте истории СССР (в 1968 г. Институт истории разделился на два института: истории СССР и всеобщей истории) секретарем партбюро был В.П. Данилов (1925–2004), известный специалист по истории советского крестьянства. Там было почти диссидентское партбюро с неортодоксальной позицией. В.П. Данилов был первый, кто писал о трагедии советского крестьянства.

У нас же в этом отношении ситуация была спокойная, никаких коллизий, кроме Некрича, я не помню, но в институте, помимо упомянутых американистов, работали и другие выдающиеся историки-интеллектуалы: А.Я. Гефтер, А.З. Манфред, С.Л. Утченко, З.В. Удальцова. Некоторые из них прошли войну, имели боевые ордена. Ученым секретарем института был мой друг, все знающий и все понимающий Н.П. Калмыков. Он, кстати, потом много сделал для издания Советской исторической энциклопедии.

С 1976 по 1982 г. я работал ученым секретарем Отделения истории в Президиуме АН СССР. Продолжал заниматься американистикой, защитил докторскую, ездил несколько раз в Канаду в рамках научных обменов. В Президиуме АН СССР партийная организация вообще ничего не решала: кроме ЦК КПСС над академиками никого не было, да и ЦК не особо командовало. Так, например, наше Отделение только с третьего раза выбрало в члены-корреспонденты заведомо науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова, приведя тем самым в бешенство секретаря по идеологии всемогущего М.С. Суслова. Кстати, Трапезников был хорошим историком и много сделал по истории советского периода. За это и избрали. Что было под контролем спецслужб – это академическое Управление внешних сношений, старавшееся определять контакты, выезды, идти или не идти на приемы в посольства, но и это было зачастую номинально. В годы позднего СССР (от Брежнева и дальше) личностной свободы было несколько больше, чем это иногда позволяли себе сами граждане, боявшиеся контактов с иностранцами, или неустанно цитировавшие классиков марксизма-ленинизма. Кстати, в моих двух диссертациях и в книгах таких ритуальных цитирований вообще не было!

Э-Б.Г.: Как Вы перешли в Институт этнографии?

В.Т.: С 1976 по 1982 г. я работал в Отделении истории РАН, а затем в Институте этнографии. В Институте этнографии сектор народов Америки был бесхозным после смерти Ю.П. Аверкиевой. Когда я защитил докторскую в 1979 г., С.И. Брук меня заметил и сказал Ю.В. Бромлею: вот специалист по Америке и Канаде и по этнической истории. Почему бы нам не пригласить Тишкова? Тогда я ушел на полставки заведовать сектором народов Америки, где был довольно разнородный по уровню и по интересам коллектив, но с которым мы сделали на протяжении примерно десяти лет довольно много значимых трудов и заложили традицию симпозиумов американистов.

После смерти Жукова в 1980 г. я работал с академиком Б.Б. Пиотровским, директором Эрмитажа, выдающимся археологом. Он попросил меня остаться на время исполнения им обязанностей академика-секретаря Отделения истории. Пиотровский приезжал на все заседания в Москву. Изумительный человек, в то время он занимался Египтом, спасал памятники, которым угрожало затопление при строительстве Асуанского водохранилища, он был в постоянных разъездах. Я года два совмещал. Когда С.Л. Тихвинского избрали академиком-секретарем, он поставил перед мной проблему: «Надо выбирать: или быть Ученым секретарем Отделения истории, или заведовать сектором Америки в Институте этнографии». Я выбрал сектор Америки. Никогда не думал, что вернусь на работу в Президиум Российской академии наук уже в должности руководителя Отделения историко-филологических наук (в 2002 г. Отделение истории и Отделение литературы и языка объединили).

В 1982 г. я перешел в Институт этнографии АН СССР. Здесь все решали Ю.В. Бромлей, его заместители С.И. Брук и Л.М. Дробижева, но и Ученый совет был влиятельным и активным. Это был новый для меня коллектив со сложившимися традициями, личными связями и амбициями. Вхождение в него было непростым делом, не говоря уже об освоении совсем новой для меня дисциплины – этнографии. О своем пути в этнографию и из нее в этнологию и антропологию я уже написал в своих статьях. Не хочу повторяться.

Э-Б.Г.: Вы написали много книг. Как Вы понимали, что хотите заняться именно этой определенной проблемой?

В.Т.: Проблема выбора темы – непростая, и это полезно знать молодому поколению. Первый выбор был связан с написанием дипломной работы «Позиция США на Потсдамской конференции». Эту тему мне дал Д.Е. Меламид, специалист по Германии, но он уехал, а меня передали Г.Н. Севостьянову. Это был 1963 г., меньше 20 лет прошло после тех событий, но публикаций по теме я не нашел, кроме каких-то воспоминаний. Государственный департамент США в 1961 г. опубликовал два тома в документальной серии «Внешние отношения США» (*Foreign Relations of the United States*), фундаментальный двухтомник «Потсдамская конференция»: вот такие два кирпича. Там было все: и дискуссии, и конечные решения. Дипломная работа у меня получилась великолепной (150 стр.), я мог ее вывести на кандидатскую за год-два. Я хотел дальше этим заниматься, даже в Магадане продолжал изучать польский вопрос на Потсдамской конференции, определение послевоенных границ, репарации и т. д. Хотел кандидатскую диссертацию написать в этом же направлении. Когда выбирали тему кандидатской, Нарочницкий мне сказал: не подойдет, в мидовский архив вас не пустят, документы все закрыты, новое знание никакое вы не получите, идите и ищите что-нибудь сами.

Я пошел в Ленинку, тогда Канада была на слуху, а диссертаций по Канаде не было. В 1958 г. была издана книга член-корреспондента А.Г. Милейковского «Канада и англо-американские противоречия»¹, книга политическая, но с очень грамотно написанным историческим очерком, я даже сходил к нему на беседу. Еще нашел газеты XIX в. в Ленинской библиотеке, документы иезуитских миссий в Канаде, документы нашего посланника в Канаде. «Это пойдет», – сказал Нарочницкий. Позднее написал и опубликовал свои первые научные статьи о происхождении франко-канадского национального вопроса в журнале «Вопросы истории» и «Россия и восстание в Канаде в 1837 г.» в журнале «Новая и новейшая история».

Мы сформулировали тему как «Национально-освободительное движение в Канаде», потом как «Движение за реформы в Канаде», но реально я ограничился восстанием 1837 г. Я мог найти другую тему, мог и Новую Зеландию взять. Исходил из таких соображений: что меньше известно, что интересно, и где есть источники. Движение за реформы, образование доминиона – все это вошло в докторскую диссертацию «Освободительное движение в колониальной Канаде». На одну треть моя докторская состояла из кандидатской, тогда это было можно, поскольку я защищался по монографии «Освободительное движение в колониальной Канаде» (1978). После защиты кандидатской Нарочницкий сказал на банкете, что учил историю Канады вместе со мной. Сначала он мне сказал, ну что ты будешь изучать в Канаде, бобровые шкурки? Я тогда не знал, что торговля бобровыми шкурами

¹ Милейковский А.Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958.

(fur trade) была основой экономики Канады, особенно в отношениях с индейцами в XIX в. Индейцы и бобровые шкурки лежали в основе колонизации Канады. Несомненно, Нарочницкий был специалистом широкого профиля, но человеком со сложным характером, что проявилось во время его директорства в Институте истории СССР.

Вместе с Л.В. Кошелевым мы написали «Историю Канады»¹, по ней учились многие дипломаты, меня за нее благодарил наш посол в Канаде А.Н. Яковлев. Еще раньше вышла моя первая книга «Страна кленового листа: начало истории» в научно-популярной серии в 1977 г. А вот серьезные вещи складывались по-разному.

В этот период у меня был такой зигзаг в научной деятельности, а именно – количественные методы в истории, компьютеры, меня ими увлек И.Д. Ковальченко. Его третировали традиционные историки за математические методы в истории, кураторы из КГБ не очень дружелюбно относились к компьютерам у гуманитариев. А это было целое новое направление в науке. В итоге была создана американско-советская комиссия по математическим (количественным) методам в истории, Теодор Рабб, специалист по Европе из Принстона, был куратором с американской стороны, Ковальченко с нашей, а я был Ученым секретарем комиссии. По этой проблематике было проведено несколько симпозиумов, вышли две коллективные монографии по использованию количественных методов в истории под редакцией И.Д. Ковальченко и моей.

В 1980 г. у меня была трехмесячная стипендия от Фонда Эйзенхауэра, меня не сразу пустили, я собирал материалы, проводил опросы, написал книгу «История и историки США». Это была работа историографическая с количественной обработкой данных, работал еще по перфокартам, сейчас не очень хочу ее переиздавать. А потом появился интерес к этнологии и социально-культурной антропологии.

Э-Б.Г.: Какая книга Вам дороже остальных?

В.Т.: «Реквием по этносу. Исследование социально-культурной антропологии». Это была моя первая книга по социально-культурной антропологии, своего рода заявка от меня в новой профессии. Она состоит из серии очерков, написанных с позиций умеренного социального конструктивизма, поднимая такие сюжеты, как нация и национализм, культурные различия и трансформации. Если сейчас посмотреть, то антропология времени, антропология пространства, диаспоры, феномен этничности и конфликтов – все эти сюжеты были освещены мною более 20 лет назад с точки зрения как теории, так и социальной практики. Ее главным объектом является критика теории этноса, а не отрицание самой этнической реальности или феномена этничности, как это может быть понято, если судить о ней по заголовку, не читая. Жалею, что поленился принять предложение подготовить английскую версию этой книги. Хотя считаю такое занятие нерациональной тратой времени: китайцы захотели – сами перевели и издали три мои книги.

Э-Б.Г.: «Очерки теории и политики этничности в России» вышли раньше, в 1997 г.

В.Т.: Она была издана в спешке, плохо отредактирована, я ее не очень люблю. А вот книга, которая мне дорога с точки зрения исследовательской, это «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны», то, что я считаю настоящей монографией, она была и задумана как единое целое.

¹ Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982.

Э-Б.Г.: У меня два вопроса в связи с этой книгой. Первый – это метод делегированного интервью, который Вы изобрели. Как Вы сейчас оцениваете, может ли быть, что, допустим, старик, который отвечает на Ваши вопросы, у него своя самоцензура, что Ваши помощники тоже смягчают, чтобы ответы не были резкими – такое было или чистоту материала удалось сохранить?

В.Т.: Понятие чистоты материала тоже условно. Даже если бы я немножко изучил чеченский язык как, например, Ян Чеснов, вряд ли я понял бы все по сравнению с теми, для кого это родной язык. Основные интервью я сам делал, с боевиками, в Москве, как ни странно, они, оказалось, очень хорошо говорили по-русски, языкового барьера не было. Все остальное собрали помощники, я им составил примерный гайд. Тексты интервью они мне представили по-русски, я их даже особо и не обрабатывал. Важное обстоятельство, связанное с необходимостью делегированного интервью, – это недоступность поля. А в то же время хочется снять, зафиксировать его в горячей стадии конфликта, это и было сделано. В ситуации открытого конфликта поле недоступно, и такие методики себя оправдывают.

Э-Б.Г.: Вы пишете о чеченцах как о народе-изгое, определяя народ-изгой как народ, переживший геноцид. Можно ли опыт депортации приравнивать к опыту геноцида? Это было тяжелое переживание, но все-таки не каждый чеченец должен был быть уничтожен, как это бывало при геноцидах, или все-таки есть мягкие формы геноцида, к которым может быть отнесена депортация?

В.Т.: Нет, это разные вещи, я не помню, чтобы я прорабатывал эту дефиницию – народ-изгой. Мой основной оппонент – Анатолий Ливен, который за год до меня написал книгу «Чечня как надгробный памятник российского могущества»¹. В ней есть глава «Антеи с гранатомерами» о том, что Чечня всегда была свободной, никогда никому не подчинялась, – вот с этой трактовкой я спорил.

Э-Б.Г.: В книге есть параграф «Комплекс народа-изгоя».

В.Т.: Да, есть у меня такой параграф, то, что это травма, и она переживается как у народа-изгоя. У чеченцев, может быть, она сильнее переживается, чем у других. Это связано с «жизненной силой» чеченцев, народ сильный даже физически, красивый, вольный, каждый чеченец сам себе вождь и хозяин, имею в виду неприятие вертикальной иерархии, народ с интересной и драматической историей, плюс очень мощное влияние ислама.

Преступления со стороны власти по отношению к народу в целом во время операции «Чечевица» в феврале 1944 г. были, жертвы были и в ходе переселения – это преступление против человечности. А вот в ссылке чеченцы быстро самоорганизовались, проявили мощную этническую солидарность, научили местное население строительству жилья из камня, научили санитарии, ведь у них высокий уровень гигиены.

Изгой – это метафора. Чеченцы в социалистических соревнованиях участвовали, грамоты получали. Они вернулись из депортации с численно выросшим населением, вернулись не нищими, а некоторые даже с автомашинами «Победа». Процессы были противоречивые. Чеченцы страдали уже после депортации, дискриминация была после восстановления Чечено-Ингушской Республики. Первые секретари были русскими, первый чеченец [во главе республики] был Доку Завгаев.

¹ Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. Yale University Press, 1998.

Э-Б.Г.: Но депортацию геноцидом назвать нельзя?

В.Т.: Нет, конечно, численность чеченцев за годы выселения сильно увеличилась, многие получили образование. Руслан Хасбулатов приехал из депортации и поступил в МГУ в 1957 г. с прекрасной подготовкой, многие хвалили своих школьных учителей. Чеченцы не были лишены базовых вещей для обеспечения жизнедеятельности.

Комплекс изгоя был у каждого [депортированного] народа, некоторые народы молчаливо переживали, к этому привязывается еще и коллаборационизм, хотя это явление не присутствовало у чеченцев так явно, вот неподчинение и сопротивление – это было. Я даже близко не употреблял термин «геноцид», я не сторонник преувеличивать количество жертв, надо считать объективно. Надо отсеивать эмоциональное, мобилизационное использование травмы в современных политических целях, что часто наблюдается в период войны. Сейчас Чечня и чеченцы – это один из самых заметных регионов и народов России.

Э-Б.Г.: Что для Вас самое важное в антропологическом исследовании: постановка вопроса, метод, полевой стационар или умение сформулировать, интерпретировать увиденное?

В.Т.: Иногда человек придумывает какую-то сильную научную метафору, и думаешь, почему не я это придумал. Иногда это создается случайностью, научным промоушеном. Важно, с чем связывается исследователь и его научное творчество, важна новизна. Высший класс – если удастся что-то придумать как явление, которое ты обозначаешь сам, и которое потом остается в науке как, к примеру, «imagined community». Я к этому стремился. Может быть, останутся как бренд «реквием по этносу», «забыть о нации» или «чувство сопричастности» как компонент механизма этнической мобилизации. Я не ставил задачу описать историю этой войны, я хотел показать общество в вооруженном конфликте, общество, разорванное войной. Я хотел продвинуть мою идею демодернизации – что бывает движение назад, когда и общество утрачивает способность движения вперед, – но не пошло, это было политически некорректно. Демодернизация – это утрата способности общества к самоорганизации, это отступление назад. Все информаторы говорили: с нами что-то творится, это хаос, не на что опереться, старейшин нет, институты рухнули, интеллигенции нет, семьи нет, кто-то на площади, кто-то в лесу, кто-то в администрации. Но идея демодерна не прижилась, нужно было ее посильнее разработать. В международном контексте идея демодернизации не была воспринята по отношению к чеченцам, которые считались борцами за свободу. Редактор моей книги в издательстве University of California Press даже возмущалась: откуда ты это взял? Чеченцы – такие борцы-герои против Кремля и русских.

Эта идея не была воспринята, но было воспринято *чувство сопричастности* как sacred values, священные ценности, которые руководят людьми, а не только лишь материальные ценности или какие-то другие дивиденды, которые человек может получить, участвуя в конфликте или актах насилия. Вот чувство: «Я с автоматом АК-47, с гранатометом – как на Курской дуге против немцев, как наши выступали» для парня из горного села, который ничего подобного не видел. Такие метафоры важно заметить в исследовании.

Конечно, в исследовании надо интересно сформулировать. Если ты пишешь невнятным языком, то это не интересно и не свежо. Я стараюсь писать ярко, придумываю неологизмы (но не так много, как Солженицын), иногда допускаю неяс-

ность, но объяснять не хочу намеренно. Важно вызывать реакцию, если ты напишешь и никого не затронешь, значит работа малополезная.

Я – ревизионист по своей сути, модернист-ревизионист. Все надо подвергать ревизии, зачем тогда ты нужен, если не можешь подвергнуть ревизии даже своего учителя? у нас так не принято, в других научных школах – принято. Даже если многие опровергли Маргарет Мид, она не перестала от этого быть великой. У нас же критика предшественника или учителя равнозначна разрыву личных отношений.

Э-Б.Г.: Вы начинали писать как историк, а потом писали как этнолог и антрополог. За эти долгие годы существенно изменилось отношение к научному письму, к его стилистике?

В.Т.: Я стараюсь не отставать, слежу, но меня смущает снижение [уровня] профессиональной подготовки историка и этнолога. Это одновременно проблема и некоторое преимущество, что наша наука – этнография, этнология – пребывает в лоне исторической науки, хотя во всем мире это отдельные дисциплины. Как и археология – это не историческая наука, в лучшем случае «протоистория». Археология – это часть антропологии в мировой классификации, но у нас все [дисциплины] в истории, это все исторические субдисциплины, я думаю, что со временем мы уйдем из лона истории, и у нас будут свои научные степени в антропологии. Пока моими стараниями вместе с О.Ю. Артемовой в России утверждено самостоятельное направление подготовки высшей школы «антропология и этнология». Но нет такой установленной профессии, и нет такой ваковской дисциплины. Пусть следующее поколение это делает.

Стиль письма у нас унаследован от историков, если брать серьезные большие работы. Иногда читаю коллег, и возникает такое ощущение, что они как бы все начинают сначала. Такой *tabula rasa* подход. Можно, конечно, второй раз изобрести велосипед, но целесообразно ли это? Сейчас есть антропологи, которые пренебрегают научным багажом: есть информаторы – я фиксирую и пересказываю, – этого вполне достаточно. Хотя есть и другая крайность: автор комментирует по страницам других трудов. Должно быть и то, и другое в одном и том же сочинении, если это не публикация источника и не рецензия на другой труд.

Стиль письма? Нет единого стиля, есть излишняя усложненность текстов, есть заумность, излишняя софистика, изобилие сложных терминов, а стиль письма должен отражать индивидуальность автора. К сожалению, встречается примитивность, есть опасность суррогатных текстов. Одержимость журнальными научными публикациями мешает писать книги. Вот эту фрагментарность, «клиповость» в науке я не одобряю. С другой стороны, вспоминаю, как Чарльз Тилли говорил мне: «Валерий, зачем ты пишешь толстые книги, пиши маленькие книги. Их больше читают».

Э-Б.Г.: Какие книги по антропологии для Вас самые ценные?

В.Т.: Из российских ученых с пользой в свое время читал книгу Ю.В. Бромлея «Очерки теории этноса», книгу Ю. Слезкина «Арктические зеркала» и его статью «СССР как коммунальная квартира», переводные и в оригинале книги Фредерика Барта, Томаса Хилланда Эриксона, Клиффорда Гирца, Пьера Нора, Эрнеста Геллнера.

У меня нет научных кумиров в нашей дисциплине, я оказался новопришельцем и пропустил время наставничества. Я бы даже сказал, что чувствую свое одиночество. Считаю, что в антропологии инновации – условие для развития науки, а не

только следование традиции. Поощряя многоголосие в ИЭА, тем самым сохранял за собой право не петь в хоре.

Э-Б.Г.: Можно было ожидать, что после «Реквиема по этносу» примордиализму в нашей науке должен наступить конец, почему примордиализм такой живучий?

В.Т.: В чем ошибка конструктивизма? Нужны коррективы к социальному конструктивизму. Общество, в котором многое (от государственных структур вплоть до обыденных текстов) основано на этническом национализме, демонтировать и сказать, что все это вообразено, что место «этносов» занимают воображаемые сообщества и больше ничего – это все равно, что обидеть человека или целую нацию. Жесткий конструктивизм не учитывает этот эмоциональный и этический момент. Я тоже думал, что американцы с расой закончили, по инициативе США ЮНЕСКО принимала две декларации о том, что раса – это социально-культурный конструкт, что рас [в природе] нет. Но в американских переписях и во всей общественно-политической практике раса остается, они не смогли ее демонтировать из всей общественной жизни. Единственное, что они смогли сделать, добиться фиксации принадлежности людей к смешанной расе (mixed race). Это настолько глубоко сидит, что просто так сказать, что раса – это конструкция, мало. У нас этничность играет роль расы, с биологической составляющей, демонтировать это сложно – это один из факторов.

А второй фактор, который социальный конструктивизм не в полной мере учел, а я, кстати, это понял, почему и не чурался примордиализма в той же серии «Народы и культуры». Эти 35 томов серии, созданные под моим руководством, – подлинный памятник примордиализму. Воображаемые общества – не значит выдуманные общества, они воображаемы на основе социальной реальности. Не все можно придумать, а вообразить можно только то, что есть в наличии, сконструировать из чего-то. Вот это что-то и составляет культурную сложность, культурное разнообразие, которое обусловлено природой, культурными традициями, условиями среды, образом жизни, верой, языковой практикой – все, что мы называем культурными различиями. Именно это конструируется, осознается с помощью элитных, академических, политических предписаний, практик или предпринимателей из числа лидеров той или иной этнической группы.

У Фредерика Барта или конструктивизм так плоско трактовался, или его так упрощали, что сконструированность якобы отрицает реальность. Я не зря писал, что слово может убивать не меньше, чем пуля. Слово – это тоже реальность. И социальные конструкции входят в жизнь, тоже становятся реальностью.

В последние годы можно наблюдать явление неопримордиализма, на который сработали науки естественно-научного профиля. Генетики, биологи докопались до таких вещей, как реконструкция биологических предков нынешних сообществ за тысячи лет. Но понятие популяции они неосторожно соединяют с этничностью, движение человеческих популяций они связывают с этнической картой, в которой границы этнических обществ совпадают с популяционными картами генофондов или генных совокупностей, стараясь их сделать конгруэнтными. Если осовременить Э. Геллнера, который видел суть национализма в стремлении к совмещению административных и этнических границ, это уже генонационализм. Отсюда ожил примордиализм и с ним вместе разные «генетические коды народов».

Есть еще один фактор – «метастазы» теории этноса, которые пошли к историкам, социологам, философам: классы закончились, формации закончились, что им

осталось? – «этнос». Пошли такие социально-философские исследования, пошел политический поворот к консерватизму, все эти коды и традиционные духовно-нравственные ценности. На неопримордиализме сказался и глобальный политический поворот к консерватизму, в том числе в нашей стране. Все-таки либерализм предполагает многоголосье, поликультурность, разнообразие и сложность, консерватизм предпочитает норму, тип, монокультуру, чистоту, духовно-нравственные ценности народов, у кого какие, не знаю. Кризис либерализма обеспечил такой интерес к неопримордиализму, заиграла теория пассионарности Гумилёва.

Э-Б.Г.: Ваш брат Леонид Тишков – замечательный художник. Его работы можно было бы назвать в некоторой степени антропологическими, часто в их фокусе – распространенные советские практики и опыты обычного русского человека, при этом многое Леонид черпает из семейной истории. Какие проекты Леонида Вам особенно близки?

В.Т.: Всегда удивляюсь, как Леонид умеет увидеть и показать в искусстве такие знакомые сюжеты. Многие коллеги оценили его Вязаник, который наша мама Раиса Александровна Тишкова связала по просьбе Лени. Это такой скафандр, связанный из текстильных лент, на которые была нарезана наша старая одежда. Был записан и мамин рассказ: красный цвет – это пионерский галстук, синий – это спортивные брюки отца, он ведь в школе вел уроки физкультуры, белое в цветочек – это Валера мне сорочку привез из Москвы, когда приехал на первые каникулы... В таком скафандре – Вязанике – человек чувствует себя защищенным семейными ценностями, любовью родных. Важный проект Леонид сделал про Умань, поехав туда в те же осенние дни, в какие наш отец попал там в плен в 1941 г. Его историческое воображение, ассоциированное с биографией отца воссоздает память о, возможно, самых трудных днях его жизни.

Мне особенно дорог проект «Воссоздание образа из частиц утраченной жизни». Мы – трое братьев и отец – регулярно теряли пуговицы на сорочках, и мама всегда говорила: положите оторвавшуюся пуговицу в карман, а я потом пришью. Как-то таких пуговиц в магазинах не было, да и вообще было принято пуговицы срезать с устаревших вещей и хранить. Когда я был в Канаде в 1970-х гг., как-то увидел на распродаже такие рубашечные перламутровые пуговицы и купил, наверное, 300 штук за 1 доллар. Вот они и другие мамины пуговицы стали основой образа Богородицы, который Леонид создал после того, как мама от нас ушла... Хотя прообразом этой работы была Ярославская Оранта, все же перед нами современное искусство, хотя и самого высокого смысла. Его искусство инсталляций в значительной мере УМО-зрительно и этим напоминает конструктивистский подход в социально-культурной антропологии. Хотя лично я не фанат современного искусства, как и безбрежного конструктивизма, в ряды которого я сам себя зачислил, чтобы продвинуть этот научный подход в отечественное гуманитарное знание.

Э-Б.Г.: Мы мало знаем о Ваших пристрастиях помимо науки. Расскажите, что вне науки Вас интересует?

В.Т.: Я долгие годы собирал коллекцию чукотско-эскимосской резьбы, северной резьбы по кости. Это мое увлечение, завершившееся созданием самой полной и крупной коллекции уэленской резьбы по кости моржового клыка. Коллекция эта

мною изучена, описана и издана отдельной книгой¹. У такой северной страны как Россия должен быть интерес к этому искусству, ей место в Эрмитаже, там вообще должен был быть отдел арктического искусства. Не так давно РЭМ приобрел мою коллекцию за совсем небольшие деньги, затраченные мною на фотографирование и описание, хотя ценность ее на порядок выше. Но мне было важно сохранить ее в целостности как собрание и обеспечить доступность зрителям. Если бы я не покупал резную кость, не собирал, особенно в 1990-е гг., все эти уникальные изделия ушли бы за границу. Я думаю, что это мое хобби дало больший результат, чем все мои книги. Книги забудут, а музейные вещи будут радовать и обогащать внутренний мир людей многие-многие годы.

Вместо послесловия

В рассказе В.А. Тишкова о годах работы в Институте истории и в структурах Президиума АН СССР мы встречаем немало неожиданных сюжетов. Для меня таким стало упоминание о партбюро Института истории СССР как партбюро с «неортодоксальной» репутацией. Облако смыслов, стоящее за словом в кавычках, подразумевает в данном случае принципиальную позицию коммунистов, оставшихся верными идеям XX съезда, которые не колеблются вместе с линией партии даже в 1970-е гг. Как и диссидент Л. Краснопевцев, эти историки были приверженцами продолжения десталинизации, тем более что по роду своих научных интересов они видели деструктивную роль ВКП(б) в советской истории, но сами из КПСС не выходили, так как влияние коммунистов на решение разных вопросов было больше, чем у беспартийных, даже в отдельно взятом институте. Партбюро не раз всплывает в повествовании: и в угрозе научного руководителя (разбирайся в партбюро!), и в сравнении с чистилищем, на котором одних лишают партийных билетов, других – проверяют «на вшивость», на умение отстоять свою позицию с наименьшими потерями в морально неоднозначных ситуациях. Именно такие выступления создавали репутации.

По некоторым репликам Валерия Александровича мы понимаем, что атмосфера в руководящем аппарате отделения, а возможно и всей Академии наук СССР, напоминает стиль взаимоотношений в Политбюро ЦК КПСС, как это представлялось в то время – с принципами личной преданности, защитой своего круга интересов и недоверием к независимому поведению – тому стилю, который хорошо известен советскому человеку по брежневской эпохе, о которой, мы все как и А. Юрчак, «думали, что это навсегда». Интересны свидетельства о высоком статусе АН СССР, члены которой могли дважды подряд «прокатывать» на своих выборах кандидата, рекомендованного главным идеологом страны.

В этом интервью не обсуждалось значение выбора исторической специализации, которая определяет карьерные и исследовательские перспективы. И рассказ, и биография академика показывают, что американисты были своего рода привилегированной кастой, члены которой обеспечивали идеологические ресурсы марксистско-ленинского противостояния разных общественных систем и имели возможность рабочих командировок в США и Канаду, редкую для советского

¹ Тишков В.А. Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости / описание предметов Ю.А. Широкова, В.А. Тишкова. Фото М.Б. Лейбова. М.: Индрик, 2008. 160 с., ил.

ученого. Свобода в написании квалификационных сочинений – тоже прерогатива американиста, который смог защитить обе диссертации по истории без обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма.

К парадоксам советского образа жизни можно отнести сюжет о северных надбавках, которые делали оплату труда молодого декана истфака в пединституте в Магадане с пятилетним северным стажем выше, чем у действительного академика АН СССР. Упомянутые надбавки, а также возможность сохранить прописку в Москве и Ленинграде для специалистов, поехавших работать на Колыму, также говорят о стимуляции внутренней колонизации и миграционной политике в СССР в этой связи. Характерно, что запись о реальных размерах зарплаты сохранилась в партбилете – членские взносы зависели от заработков, но и партия отслеживала важные статусные позиции, и обмануть ее было невозможно. А вот ввести в заблуждение контролирующие структуры, как оказалось, было возможно. Остается вопрос, знали ли эти органы о преднамеренном умолчании, или представления об их «всевидающих глазах» преувеличены.

Так же парадоксален сюжет о реакции на передачу на Магаданском телевидении. Первый секретарь обкома КПСС негативно реагирует на то, что секретарь ВЛКСМ пединститута солидаризуется с антивоенными протестами в Америке, особенно с отказом служить в армии США, ведущей войну во Вьетнаме. Руководитель большого региона СССР, слушая эту передачу, неожиданно испытывает эмпатию к заботам вражеского государства. Всякий протест, особенно молодежный, неприятен представителю власти (государства) в любой стране; несмотря на политические разногласия, власть имущих возмущают все молодые, не желающие служить в армии – будь то в советской, будь то в армии США.

Изучая дискурсивные стратегии спонтанного нарратива, стоит отметить, как рассказчик, описывая заседания партбюро, использует соответствующую лексику партийной бюрократии: «решение по нему было принято». Оксюмороном кажется выражение «диссидентское партбюро с неортодоксальной позицией». В риторических формулировках эпохи застоя часто встретишь эвфемизмы и двусмысленные выражения. В данном случае «неортодоксальный» не имело никакого отношения к конфессии и обычно употреблялось в значении «не доминирующий». Отмечу, что, как и полагается американисту, Тишков многие выражения мысленно переводит на английский язык, продолжая относиться к английскому языку как второму рабочему.

Актуальными в науке и обществе остаются оценки тотальных депортаций советских народов, тема которых была поднята в монографии «Общество в вооруженном конфликте». Современная историческая политика отличается от политики начала 1990-х, когда был принят закон «О реабилитации репрессированных народов» (26.04.1991), в котором термин *геноцид* используется в широком смысле этого слова. При использовании сильной оценочной терминологии важна и академическая трактовка. Тишков уточняет пределы применения термина *геноцид*, что методологически важно для многих современных исследователей этого периода.

В описании чеченского народа, «его жизненной силы» в нарративе антрополога мне видится призрак примордиализма, что становится одной из иллюстраций в обсуждении его живучести. Как убедительно показал Тишков, примордиальные установки внедрены в советских и российских граждан с самого детства и вы-

давливать их из себя совсем не просто даже теоретику, посвятившему «этносу» реквием.

В.А. Тишков не боится говорить о себе критически, призывая следующее поколение антропологов не опасаться критиковать своих учителей, формулировать мысли ярко и пытаться оставить свой след в науке с правом «не петь в хоре», но и не «писать с чистого листа», напоминая, что личной свободы всегда больше, чем кажется. Если в каждом нарративе присутствуют скрытые воспитательные моменты, то и эти советы В.А. Тишкова, несомненно, будут приняты читателем с пониманием и благодарностью.

Научное издание

**АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД**

Ведущий редактор *Е.Д. Щепалова*

Редактор *В.Т. Веденеева*

Художественный редактор *А.К. Сорокин*

Технический редактор *М.М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н.Н. Доломанова*

Верстка *Т.Т. Богданова*

Корректор *Е.Л. Бородина*

Подписано в печать 04.10.2020

Формат 70×100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35

Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127254, Москва, Огородный проезд, д. 14

Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79

Тел.: 8 (499) 685-15-75, 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)